

Оригинальная статья

УДК 13; 17; 141

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-2-18-28>

Альтруизм в интерпретации русской религиозной философии

Татьяна Анатольевна Скоропад

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
t.milokost@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-5997-7285>*

Введение. Ряд православных мыслителей, среди них К. Н. Леонтьев, критиковали новоевропейский альтруизм, а Н. А. Бердяев вообще отвергал его, называя «учением буржуазно-демократической морали, срединно-общей морали благополучия, морали количеств». П. А. Флоренский, Н. О. Лосский, В. С. Соловьев, напротив, называли альтруизм деятельной любовью, христианским агапэ, бескорыстной созидательной любовью. Л. Н. Толстой считал, что в основании жизни людей должны лежать единство и солидарность, Ф. М. Достоевский призывал к любви деятельной и бескорыстной, которая способна все преобразить и всех очистить. Подобная позиция русских религиозных философов и писателей вызывает у автора статьи исследовательский интерес. Таким образом, целью работы становится компаративистский анализ ряда концепций православных мыслителей, которые по-разному интерпретировали понятие «альтруизм», но вместе с тем высказывали схожее мнение по отношению к данной этической категории.

Методология и источники. Автор использует герменевтический метод, который позволяет погрузиться в изучение и интерпретацию текстов русских религиозных философов и писателей, что помогает создавать объемный герменевтический круг русской культуры, высвечивая ее особенности.

Результаты и обсуждение. Подход автора к исследованию культуры и интерпретации культурных смыслов через анализ этической категории можно назвать оригинальным. Подобный подход может быть полезен исследователям в области культурфилософии в качестве возможного метода при изучении той или иной социокультурной системы. Анализ концепций русских религиозных философов подобным методом помогает автору подсветить ценностные основания русской культуры.

Заключение. Альтруизм как культурологический феномен и этическая категория, попав на почву русской культуры, приобретает совершенно иной смысл и наполненность.

Ключевые слова: Альтруизм, русская религиозная философия, любовь, деятельная любовь, христианское агапэ, Соловьев, Лосский, Флоренский, Бердяев, Федоров, Сорокин, Толстой, Достоевский

Для цитирования: Скоропад Т. А. Альтруизм в интерпретации русской религиозной философии // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 2. С. 18–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-18-28.

© Скоропад Т. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Original paper

Altruism in the interpretation of Russian religious philosophy

Tatyana A. Skoropad

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
t.milokost@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-5997-7285>*

Introduction. A number of Orthodox philosophers, among them K.N. Leontiev, criticized New European altruism, and N.A. Berdyaev generally rejected it, calling it “the teaching of bourgeois-democratic morality, the middle-general morality of well-being, the morality of quantities”. P.A. Florensky, N.O. Lossky, V.S. Soloviev, on the contrary, called altruism active love and Christian agape. L.N. Tolstoy believed that the good of people lies in unity and solidarity, and F.M. Dostoevsky called for active and selfless love, which is capable of transforming and purifying. This position of Russian religious philosophers arouses research interest in the author of the article. Thus, the purpose of the work is to conduct a comparative analysis of a number of concepts of Orthodox thinkers who interpreted the concept of altruism differently, but at the same time expressed similar opinions in relation to this ethical category.

Methodology and sources. The author uses the hermeneutic method, which allows one to immerse oneself in the study and interpretation of the texts of Russian religious philosophers, which helps to create a voluminous hermeneutic circle of Russian culture, highlighting its features.

Results and discussions. The author's approach to the study of culture and interpretation of cultural meanings through the analysis of ethical categories can be called original. A similar approach may be useful to researchers in the field of cultural philosophy as a possible method when studying a particular sociocultural system. Analyzing the concepts of Russian religious philosophers using a similar method helps the author highlight the value foundations of Russian culture.

Conclusion. Altruism as a cultural phenomenon and ethical category, once on the soil of Russian culture, acquires a completely different meaning and fullness.

Keywords: Altruism, Russian religious philosophy, love, active love, Christian agape, Soloviev, Lossky, Florensky, Berdyaev, Fedorov, Sorokin, Tolstoy, Dostoevsky

For citation: Skoropad, T.A. (2024), “Altruism in the interpretation of Russian religious philosophy”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 2, pp. 18–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-18-28 (Russia).

Введение. Изначально понятие «альтруизм» вошло в поле зрения науки как антиномия эгоизма с легкой руки Огюста Конта. Признанной движущей силой альтруизма являются справедливость и общественная солидарность – именно они способны привести человечество к жизни в гармонии без глубоких потрясений и глобальных конфликтов. В большинстве своем противоположную позицию по отношению к альтруизму занимала русская религиозная философия, которая возводила жертвенность на уровень христианской этики любви, добра и красоты как основы нравственной жизни человека. Но, поскольку «альтруизм» как понятие изначально содержало в себе иной подтекст, некоторые русские мыслители, например, Н. А. Бердяев и Л. А. Тихомиров, воспринимали его как бездуховную практику, подменяющую собой истинную христианскую любовь. А. Ф. Лосев считал, что между альтруизмом и христианской любовью огромная разница, так как в основе действия альтруиста лежат исключительно «рассудочные основания». Я. С. Друскин противопоставлял деятельную или ноуменальную любовь и альтруизм, который в его представлении, скорее, по-

хож на естественную любовь. А Н. Ф. Федоров альтруистически настроенного человека определял как губящего себя ради других. П. А. Сорокин в завершении своей исследовательской деятельности посвятил время изучению феномена бескорыстной любви. «Может быть, последняя область, подлежащая разработке – таинственная сфера альтруистской любви. И хотя сейчас ее изучение находится в самом начале, оно, похоже, станет самой важной областью будущих исследований: тема бескорыстной любви уже поставлена на повестку дня истории» [1, с. 197].

Методология и источники. Для исследования понятия «альтруизм» в качестве культурно-философского феномена и этической категории, а также понимания того, как это понятие интерпретируется и переформируется в русской культуре, был выполнен анализ текстов русских религиозных философов Н. О. Лосского, В. С. Соловьева, Н. Ф. Федорова, П. А. Флоренского, а также ряда произведений Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Автор статьи ограничивается периодом середины XIX – начала XX вв., который считается расцветом русской религиозной философии. Анализ концепции альтруистической любви был сделан на материалах сборников трудов участников Гарвардского исследовательского центра по созидательному альтруизму, на текстах книг и статей П. А. Сорокина. В статье использовался герменевтический метод, а также компаративистский подход.

Результаты обсуждения. Любовь и альтруизм в концепции философии В. С. Соловьева всегда были организующим общественным основанием. Комментируя высказывания об интерпретации счастья, мыслитель говорил, что в его основе лежит любовь, решающее значение имеют те качества души, которые пробуждают альтруистические чувства: «жалость есть единственная настоящая основа альтруизма» [2, с. 163]. Взрослая душа, наполненная жалостью и милосердием, не способна навредить другому человеку, она обладает необходимой степенью осознанности, чтобы защитить себя от нападок на другого, тем самым происходит единение душ. «Естественная, органическая связь всех существ как частей одного целого есть данное опыта, а не умозрительная идея только, а потому и психологическое выражение этой связи – внутреннее участие одного существа в страдании других, сострадание, или жалость, – есть нечто понятное и с эмпирической точки зрения как выражение естественной и очевидной солидарности всего существующего» [2, с. 160]. Альтруистические и эгоистические эмоции различаются разнонаправленностью, когда вектор эгоизма направлен на других людей, группы или человечество в целом, тогда его можно назвать альтруизмом, расширяя тем самым рамки солидарности. Подобную идею высказывал Л. Н. Толстой, чьи мысли мы рассмотрим далее. По сути, естественным законом человечества является «Золотое правило нравственности», которое также можно назвать составной частью альтруизма: именно оно подталкивает людей на оказание помощи другим, тем самым помогая объединяться. Известны две принципиально противоположные формы «Золотого правила» – негативная – «Не делай другим того, чего себе не желаешь» и с позитивным смыслом – «Поступай по отношению к другим так, как ты желал бы, чтобы другие поступали по отношению к тебе»¹. Отрицательная форма отсылает нас к

¹ А. А. Гусейнов, исследовавший золотое правило в нескольких работах, указывал на различие в интерпретации золотого правила с учетом этих форм. Только Г. Функе не видел различия между негативной и позитивной формами. В основном исследователи, такие как Х. Томасиус, Г. Рейнер, говорили не просто о противоположности формулировок, а указывали на различие смыслов при описании нравственности, а также социально-нормативных правил поведения.

праву, к автономии личности, а положительная ассоциируется с нравственностью и уважительным отношением к другому [3, с. 78–80]. Свою позицию высказал В. С. Соловьев, основываясь на этике, а именно: если твои действия или помыслы направлены на другого человека как на цель, то такое отношение обязано быть справедливым и милосердным. Таким образом, у «Золотого правила нравственности» появляются две грани. Соловьев, не называя само «золотое правило», выявил общую формулу альтруизма, т. е. он разделил отношение ко всем существам на два частных правила [2, с. 152–169], которые имели позитивное и негативное значения. Принцип с отрицательным значением называется правилом справедливости, а с положительным – правилом милосердия¹.

Особую роль альтруизму и любви отводили русские философы, которые представляли другое направление мысли, а именно: П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков и Н. О. Лосский. В своих работах они определяли подобный вид любви как «христианское агапэ», первым подобное отношение к этому высокому чувству высказал Павел Флоренский. Булгаков же рассматривал любовь вкупе с ревностью и дружбой: «настоящее богословское открытие, ибо впервые в богословское учение о Церкви включено понимание дружбы как церковной связи, имеющей для себя законное место в церковной жизни» [5]. Флоренский, сосредотачивая внимание на объекте любви, говорил, что она влияет на человека и каким-то необычайным образом переходит от влюбленного на предмет любви. С помощью этого чуда влюбленный человек выходит за пределы границы своей личности и сливается с другим. Эту цепь можно растягивать бесконечно, превращая разрозненные звенья в «единый и бесконечный акт <...> едино-сущее любящих в Боге» [6, с. 93]. Отец Павел Флоренский был приверженцем онтологического подхода к осознанию любви. Среди его последователей можно выделить С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева. Второй подход психологический, его адепты Г. В. Лейбниц, Х. Вольф, Б. Спиноза. Согласно второму подходу, любовь стоит рассматривать с точки зрения психологического состояния человека, что соответствует, как считал отец Павел Флоренский, трактовке философии «вещной». Несмотря на то, что подобный подход говорит о способности любви к сопереживанию и радости за счастье любимого, все-таки осмысление любви с точки зрения психологии имеет свои недостатки. Например, идея Спинозы, которая смешивает любовь и вожеление, приводит к пониманию Бога как вещи. Такая интерпретация предполагает, что для исследования смысла альтруистической любви следует использовать только онтологический подход. Согласно онтологическому подходу, любовь ведет к единению с Богом. Истинная христианская альтруистическая любовь-агапэ имеет существенное отличие от внешнего формального альтруизма. Стремление к общему благу, или человеколюбие, если оно не имеет божественной идеи, становится бессмысленным. Любовь, вызванная настоящим альтруистическим чувством, возвышает человека, поднимая его на другой уровень существования, чем очищает его от обычных мирских привязанностей, которые в обычной жизни волнуют человека, а именно: семья, нация, слава, власть. Отец Павел Флоренский считал, что подлинную альтруистическую любовь мог испытывать только Сын Божий, а реализовываться это чувство могло только в Царствии небес-

¹ Подобное умозаключение Соловьева, а именно, что у альтруизма есть две стороны, как считает Р. Г. Апресян, имеют определяющее значение в «Золотом правиле нравственности». «В понимании В. С. Соловьевым справедливости и милосердия, их соотносительность с “золотым правилом нравственности” <...> существенна» [4, с. 284].

ном. Обычный же человек способен испытать альтруизм только в соединении с Триипостасью Божественной (истиной, добром и красотой). Настоящая альтруистическая любовь, она же любовь-агапэ, являет собой наивысшую степень любви, когда она сама становится разумной и восприимчивой к объекту любви, признавая его высокую ценность. Это божественное чувство не имеет ничего общего с обычной жизнью человека, и никак не проявляется в чувственном опыте, оно присутствует в свободе воли и свободе выбора человека. Любовь-агапэ бесстрастна, спокойна, действует с уважением, она способна принимать и поддерживать. Философ верил, что наивысшими ценностями такой любви являются чистое милосердие, глубокое сострадание и искреннее самопожертвование. Подобное выражение можно наблюдать только в евхаристическом единении христиан и в дружбе между человеком и Богом. Никаких негативных сторон у этого вида любви нет и быть не может, так как это вселенское чувство, любовь-филио, являясь составной частью любви-агапэ, способно наполнить каждого человека. «Между любящими разрывается перепонка самости, и каждый видит в другом как бы самого себя, интимнейшую сущность свою, свое другое Я, неотличное, впрочем, от Я собственного» [6, с. 433]. Только через любовь мы можем познать божественный замысел, любовь вне этого становится похожей на обычную естественную функцию организма человека, которая никак не может быть воспринята Христианством в качестве высокого чувства [6, с. 90].

Несколько по-другому подходит к проблематике альтруизма Н. О. Лосский, объясняя механизм зарождения альтруистического чувства не совсем с позиции этики. Он исследует приверженцев различных философских направлений, таких как натуралистический эволюционизм, биологизм, эвдемонизм, гедонизм. Философ считает, что альтруизм вспыхивает в человеке или проявляется как озарение, он не способен прогрессировать. Сила любви может преобразить человека, она производит альтруистическую трансформацию и с гордецом, и с эгоистом. Одномоментная симпатия демонстрирует «тесную сращенность всех существ друг с другом» [7, с. 47]. Лосский понимал любовь как условие возникновения интуиции, по сути, осознание одним человеком нужд и страданий другого и полное принятие на себя его страданий [7, с. 45–46]. Возникшая интуитивная связь необходима, но не достаточна для рождения истинной любви. Настоящая любовь предполагает единение любящих только в том случае, если они были изначально сотворены как единое целое, обладали первичной сращенностью. Любовь способна перенести любящих на другой уровень конкретности, творящие дела любви и обладающие взаимным чувством преобразуют отвлеченное единосущее в конкретное. И только таким образом, возможна реализация духовного альтруистического совершенства. Лосский считает, что в семьях, где присутствует альтруистическая любовь, близкие люди тонко сонастроены. Действительно, эта чрезвычайная чуткость к жизни другого человека возникает, когда между ними появляется особая духовная близость как, например, между матерью и ребенком [7, с. 191]. «Основное условие такой интимной связи существ есть любовь к Богу, бо́льшая, чем к себе, и любовь к другим существам, равная любви к себе. Грехопадение есть предпочтение своего Я как целого или каких-либо частных целей своей жизни Богу и другим существам» [8, с. 234].

Полную противоположность по отношению к альтруизму демонстрировал Н. А. Бердяев. Во-первых, он считал, что альтруизм – новоевропейский утилитарный концепт; во-вторых, он

может быть навязан обществом с целью усреднить и лишить человека свободы; в-третьих, альтруизм, являясь «ценностью благополучия», лишает личность индивидуальности, «об альтруизме говорят, когда охладела и омертвела любовь» [9, с. 473]. По-настоящему христианской и истинной следует считать этику вечных ценностей, а не подверженной текущей ситуации альтруистическую этику распределения и благосостояния. «Христианство – религия любви, а не альтруизма. Христианство не допускает понижения качества во имя количества, оно все в качестве» [9, с. 468]. Никакого единства человечества на основе альтруизма нет и быть не может, только индивидуальная и неповторимая судьба человека и свобода. Лишившись свободы человек как личность умирает, общество становится массой. Критикуя современников, называя их исследования «социально-классовыми, государственно-расовыми», Бердяев утверждал, что «новая христианская духовность» обесценивает человеческий вклад до такой степени, что сакральный мир теряет свое измерение. «Мораль христианская ... лежит по ту сторону противоположения альтруизма и эгоизма... Великим падением христианского сознания была попытка придать христианству характер альтруистически-утилитарный» [9, с. 474]. Наши потомки могут утратить главную ценность – свободу, поверив и внедрив в общественную жизнь альтруизм. Кроме того, мыслитель рассматривает родовую общность как ненастоящую, где личность становится атомизированной, т. е. она не является частью рода [10, с. 15].

Любовь, с точки зрения Н. Ф. Федорова, обладает особой силой, побуждающей не только к единению, но являющаяся собой особую форму сотрудничества между людьми. Русский философ, сравнивает любовь с крайними по своей позиции в человеческом поведении эгоизмом («губящий всех ради себя») и альтруизмом («губящий себя ради всех»)¹. Единение этих двух категорий можно обозначить двумя местоимениями: ты и я и все мы. «Это будет полнота родства: вместо индивидуального, разрозненного бытия личностей – сосуществование; вместо смены поколений – полнота жизни, отрицание и упразднение смерти!» [12, с. 199]. Человечество способно преодолеть смерть и страдания только объединившись, и только через это появится возможность победить внешнее зло. Теперешнее человечество не является многоединным, благодаря этому внешние силы овладевают им, именно из-за разобщенности внутрь человечества проникают вредоносные силы, провоцируя вражду, рабство и господство. Наполненность родством присутствует только в божественном Троицизме, чего не скажешь о многоединстве человеческом. Также в горизонте будущего церковь будет содержать в себе это многоединство, но в настоящей жизни, сейчас, его нет [12, с. 199].

П. А. Сорокин считал, что мысли Н. Ф. Федорова оказали заметное влияние на ряд авторов, в том числе на В. С. Соловьева. Идеи философа состояли в том, что по-настоящему только любовь в сочетании с истиной и красотой способна поднять человека на уровень бессмертия и господина органических, неорганических, социокультурных пределов. Благодаря любви человек может реализоваться как истинное божественное существо, т. е. стать Богочеловеком, сыграв тем самым свою особую роль на земле, выполнив свою историческую миссию, сохранив подлинное бессмертие, укоренив в себе все имеющиеся челове-

¹ В статье «Ни эгоизм, ни альтруизм, а родство!» философ утверждает, что собственное Я не находится в антагонизме с Другим, т. е. эгоизм не значит отрицать всех, кроме себя, а альтруизм вовсе не рабство или самоуничтожение [11].

ские ценности, а иначе они утратят свой смысл и безвозвратно потеряют свою значимость [13, с. 104]. Сорокин называл альтруизм бескорыстной созидательной любовью, великой и завораживающей тайной, которая обладает огромной энергией и которую необходимо научиться производить, аккумулировать и использовать. С помощью любви можно «во-первых, остановить агрессивные стычки между людьми и группами людей, во-вторых, превратить отношения из враждебных в дружеские. <...> Любовь вызывает любовь, а ненависть рождает ненависть; любовь может реально влиять на международную политику и успокаивать межнациональные конфликты. <...> Бескорыстная и мудрая любовь является жизненной силой, необходимой для физического, умственного и нравственного здоровья; альтруисты в целом живут дольше эгоистов; дети, лишенные любви, вырастают нравственно и социально ущербными; любовь – это мощное противоядие от преступных деяний, болезней и самоубийств, ненависти, страхов и психоневрозов; любовь выполняет важные познавательные и эстетические функции; она – самое лучшее и эффективное средство обучения в деле просвещения и облагораживания человечества; любовь – душа и сердце свободы и всех основных нравственных и религиозных ценностей <...>» [1, с. 205].

Тема поиска нравственных идеалов, добра и любви широко распространена в русской культуре, благодаря богатому литературному наследию Льва Толстого, известного как автора «Этики ненасилия»¹. Основная идея этики Толстого состоит в том, что общественное зло будет побеждено только добром, личность не должна становиться соучастником зла².

Толстой считал, что гораздо проще воспитать детей в духе альтруизма и идеала добра, чем изменить представления взрослых об этих категориях, искоренив ненависть и насилие. Именно поэтому даже в своих рассказах и публицистических произведениях для детей автор постоянно возвращается к подобным темам.

Толстой предстает перед нами в качестве мыслителя и исследователя двухвековой эволюции христианской цивилизации. Великий русский писатель пытается объяснить происхождение современных конфликтов на европейском континенте и найти способы избежать их. Общество смогло создать комфортную среду для жизни, используя технический прогресс, но вместе с тем оно нашло способы для саморазрушения, живя в конфликтах, с идеологией войны всех против всех, без объединяющего духовного начала, а совсем наоборот, разъединенное звериными инстинктами, которые, пользуясь изощренным умом, становятся все более безумными, приводя к бедам и несчастьям все человечество [14, с. 253]. Прогресс и материализм не могут быть основой построения по-настоящему созидательного общества, не могут наполнить жизнь истинными смыслами, они не помогут выстроить гармоничные отношения между людьми. «Лучшая жизнь может быть только тогда, когда к лучшему изменится сознание людей, и поэтому все усилия людей, желающих улучшить жизнь, должны бы быть направляемы на изменение сознания своего и других людей» [14, с. 573].

¹ Ряд произведений, где Толстой излагает свое религиозно-нравственное учение, делится на четыре основных класса: первый – исповедальный – «В чем моя вера», «Исповедь», и др.; второй теоретический – «Закон насилия и закон любви», «Царство Божие внутри вас», «Что такое религия и в чем сущность ее?» и др; третий публицистический – «Не могу молчать», «Не убий» и др; и четвертый художественный – «Крейцерова соната», «Смерть Ивана Ильича», «Воскресение», «Отец Сергей» и др.

² Этот тезис своими корнями уходит в один из пунктов Нагорной проповеди: «А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» [Мф. 5:39].

Принцип непротivления может быть только воспринят обществом, его никак нельзя вменить, используя насильственные способы. Он может прорасти на благодатной почве, которую из поколения в поколение насыщали влагой солидарности, воспитывая на идеях взаимной поддержки и единения¹. Вектор технического прогресса без сотрудничества людей друг с другом по-прежнему будет направлен во зло и разрушение, он не поможет сохранить мир и гармонию. Только согласуясь с разумом и личными позитивными убеждениями, человечество будет способно сохраниться [15]. Воспитание каждого человека в ценностных идеях гуманизма ведет к нравственному преображению, которое, в свою очередь, приводит к развитию здоровых общественных отношений – к такому выводу приходит Толстой. Самый верный и действенный способ переустройства или перевоспитания общества – начать с себя, а именно с самосовершенствования [16, с. 221]. Наиболее понятный и прямой путь выхода из кризисной ситуации – распространение поддержки до уровня человечества. «Все беды людей не от неурожая, не от пожаров, не от злодеев, а только от того, что они живут врозь. А живут они врозь потому, что не верят тому голосу любви, который живет в них и влечет их к единению» [16, с. 77].

Понятие «альтруизм» не было просто калькировано русскими авторами и мыслителями. Попав на русскую почву, оно приобрело иной культурный смысл, а именно, трансформировалось в безусловную деятельную любовь. Персонаж Ф. М. Достоевского старец Зосима говорил: «“Я есмь и я люблю”. Раз, только раз, дано было ему мгновение любви деятельной, живой, а для того дана была земная жизнь, а с нею времена и сроки, и что же: отвергло сие счастливое существо дар бесценный, не оценило его, не возлюбило, взглянуло насмешливо и осталось бесчувственным» [17, с. 404].

На протяжении многих романов Достоевский, раскрывая идею деятельной любви, расширяет границы этого явления. Деятельная любовь есть искреннее чувство, которое характеризуется жертвенностью, направленностью на человека, которое существует во благо людей и ради спасения, а источником такой любви является Бог. Здесь становится очевидной связь с первой и второй главными заповедями, касающимися любви².

Одним из наиболее часто вспоминаемых примеров проявления деятельной любви к ближнему у Достоевского – Соня Мармеладова. Ее любовь не действует активно, она ждет, терпит и страдает, а в результате помогает очиститься и раскрыться другой душе. «Как это случилось, он [Раскольников] и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. <...> Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого» [18, с. 421]. Другой пример деятельной любви, но уже ко всему человечеству, представлен в образе князя Мышкина, как отмечал сам Достоевский, «князе Христе». Герой олицетворяет собой не только учителя или проповедника истины и доброты, но деятеля, который смог распахнуть людские сердца, помог им измениться и стать другими. Квинтэссенцией деятельной любви становится старец Зосима, который

¹ В разгар русско-японской войны в своем дневнике (1904) Толстой формулирует основные идеи принципа «непротivления злу насиллием».

² Иисус сказал ему: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» [Мф. 22:37].

сравнивает деятельную любовь с мечтательной. Мечтательная любовь требует доказательств, подвига, жаждет от публики и признания, и даже готова пойти на смерть, чтобы эффект от ее действий стал чьей-нибудь историей или мифом. Деятельная же любовь построена на выдержке и тишине [19, с. 51]. Любовь деятельная обладает интегрирующей силой, считал Ф. М. Достоевский, она есть универсальный способ очищения от всех несовершенных качеств человека. Автор заявлял, что только с помощью любви человечество будет способно преодолеть свою разобщенность и придет к долгожданному единству.

В завершении жизни Достоевскому удалось показать, что помогает душе воспарить, освободившись от мирской суеты и направив свой взор к истинным ценностям и вечным темам. Один из героев книги спрашивает старца Зосиму, что означает вера и бессмертие, на что тот дает ответ: «Доказать тут нельзя ничего, убедиться же возможно. Как? Чем? Опытom деятельной любви. Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того, как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж, несомненно, уверуете, и никакое сомнение даже и не возможен зайти в вашу душу» [8, с. 137].

Заключение. Понятие «альтруизм» не было просто калькировано русскими религиозными мыслителями. Попав на русскую почву, оно приобрело иной культурный смысл, а именно, трансформировалось в безусловную деятельную любовь, любовь-агапэ, любовь-филию. В зоне культуры «происходит закрепление положительного опыта в социальной памяти участников взаимоотношений и его трансляции, процесс формирования и передачи социального опыта между поколениями является одной из основных системообразующих функций. Зона культуры обладает специализированными институтами трансляции социального опыта следующим поколениям – воспитанием и образованием, причем воспитанием индивида занимается не только семья, а его образованием не только учебные заведения. В той или иной мере участвуют в этих процессах также религия, искусство, непосредственное социальное окружение человека и прочее» [20, с. 40].

Была высказана идея, что природа и существование бескорыстной созидательной любви невозможны без глубоких знаний культуры, общества и его системы ценностей. Именно поэтому становится очевидной разница в восприятии феномена альтруизма в различных социокультурных средах, но вместе с тем понятно, что только укоренение нравственных законов, а также соблюдение моральных норм и правил способно спасти общество от полного разрушения и сохранить существующие культурные смыслы. И в русской религиозной философии конца XIX – середины XX в. рассматривалось альтруистическое поведение с позиции возможности достижения высокой морально-этической цели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сорокин П. А. Дальняя дорога: автобиография / пер. с англ. А. В. Липского. М.: Терра, 1992.
2. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 47–548.
3. Гусейнов А. А. Социальная природа нравственности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974.
4. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Нравственный опыт // Этика. М.: Гардарики, 2007. С. 245–312.

5. Шестаков В. П. Сергей Булгаков. Дар любви // Эрос и культура: философия любви и европейское искусство. М.: Республика, 1999. URL: http://lit.lib.ru/s/shestakov_w_p/text_0010.shtml#72 (дата обращения: 28.11.2023).
6. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990.
7. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра: основы этики. Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991.
8. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.
9. Бердяев М. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989.
10. Бердяев Н. А. Царство духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995.
11. Федоров Н. Ф. Ни эгоизм, ни альтруизм, а родство! 1903. URL: http://db.rgub.ru/classics/f/fedorow_n_f/text_0550.shtml (дата обращения: 29.11.2023).
12. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. М.: Прогресс, 1995.
13. Сорокин П. А. Пути и могущество любви // Человек. 2015. № 4. С. 96–113.
14. Толстой Л. Н. Народные рассказы. СПб.: Умозрение, 2018.
15. Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого. М.: Алгоритм, 2000.
16. Толстой Л. Н. Путь жизни // Полное собр. соч. Т. 45. М.: ГИХЛ, 1956.
17. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: в 4 ч. Ч. 2. М.: Правда, 1991.
18. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 6 / ред. В. Г. Базанов, Ф. Я. Прийма, Г. М. Фридлендер и др. Л.: Наука, 1973.
19. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Т. 1 // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14 / ред. В. Г. Базанов, Ф. Я. Прийма, Г. М. Фридлендер и др. Л.: Наука, 1976.
20. Флиер А. Я. Культурологическая интерпретация социальной реальности // Вестн. Чел. гос. академии культуры и искусств. 2016. № 3 (47). С. 39–46.

Информация об авторе.

Скоропад Татьяна Анатольевна – аспирантка кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор пяти научных публикаций. Сфера научных интересов: альтруизм как универсальный культурный смысл, постмодернизм и общество потребления, реклама как язык коммуникации, межкультурные коммуникации, русская филология.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 25.12.2023; принята после рецензирования 27.02.2024; опубликована онлайн 23.04.2024.*

REFERENCES

1. Sorokin, P.A. (1992), *A Long Journey. The Autobiography of Pitirim A. Sorokin*, Transl. by Lipskii. A.V., Terra, Moscow, RUS.
2. Soloviev, V.S. (1988), "Justification of good. Moral philosophy", *Sochineniya* [Works], in 2 vol., vol. 1, Mysl', Moscow, USSR, pp. 47–548.
3. Guseinov, A.A. (1974), *Sotsial'naya priroda npravstvennosti* [Social nature of morality], Izd-vo Mosk. un-ta, Moscow, USSR,
4. Guseinov, A.A. and Apresyan, R.G. (2007), "Moral experience", *Ehtika* [Ethics], Gardariki, Moscow, RUS, pp. 245–312.
5. Shestakov, V.P. (1996), "Sergei Bulgakov. Gift of love", *Ehros i kul'tura: filosofiya lyubvi i evropeiskoe iskusstvo* [Eros and culture: philosophy of love and European art], available at: http://lit.lib.ru/s/shestakov_w_p/text_0010.shtml#72 (accessed 28.11.2023).

6. Florenskii, P.A. (1990), *Stolp i utverzhdenie istiny* [The pillar and affirmation of truth], Pravda, Moscow, USSR.
7. Lossky, N.O. (1991), *Usloviya absolyutnogo dobra: osnovy ehtiki. Kharakter russkogo naroda* [Conditions of absolute good: foundations of ethics. The character of the Russian people], Politizdat, Moscow, RUS.
8. Lossky, N.O. (1958), *Dostoevskii i ego khristianskoe miroponimanie* [Dostoyevsky and his Christian World Concept], Izd-vo im. Chekhova, NY, USA.
9. Berdyaev, M.A. (1989), *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of freedom. The meaning of creativity], Pravda, Moscow, USSR.
10. Berdyaev, N.A. (1995), *Tsarstvo dukha i tsarstvo Kesarya* [The kingdom of the spirit and the kingdom of Caesar], Respublika, Moscow, RUS.
11. Fedorov, N.F. (1903), *Ni ehgoizm, ni al'truizm, a rodstvo!* [Neither selfishness nor altruism, but kinship!], available at: http://db.rgub.ru/classics/f/fedorow_n_f/text_0550.shtml (accessed 29.11.2023).
12. Fedorov, N.F. (1995), *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 4 vol., vol. II, Progress, Moscow, RUS.
13. Sorokin, P.A. (2015), "Ways and power of love", *Human Being*, no. 4, pp. 96–113.
14. Tolstoi, L.N. (2018), *Narodnye rasskazy* [Folk stories], Umozrenie, SPb., RUS.
15. Biryukov, P.I. (2000), *Biografiya L.N. Tolstogo* [Biography of L. N. Tolstoy], Algoritm, Moscow, RUS.
16. Tolstoi, L.N. (1956), "The Path of Life", *Polnoe sobr. soch.* [Complete Works], vol. 45, GIHL, Moscow, USSR.
17. Dostoevskii, F.M. (1991), *Brat'ya Karamazovy* [Brothers Karamazov], in 4 parts, part 2, Moscow, RUS.
18. Dostoevskii, F.M. (1973), "Crime and Punishmen", *Polnoe sobr. soch.* [Complete Works], in 30 vols., vol. 6, Bazanov, V.G., Priima, F.Ya., Fridlender, G.M. at al. (eds.), Leningrad, Nauka, USSR.
19. Dostoevskii, F.M. (1976), "Brothers Karamazov", vol. 1, *Polnoe sobr. soch.* [Complete Works], in 30 vols., vol. 14, Bazanov, V.G., Priima, F.Ya., Fridlender, G.M. at al. (eds.), Leningrad, Nauka, USSR.
20. Flier, A. (2016), "Social Reality Culturological Interpretation", *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, no. 3 (47), pp. 39–46.

Information about the author.

Tatyana A. Skoropad – Postgraduate at the Department of Russian Philosophy and Culture, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: altruism as a universal cultural meaning, postmodernism and consumer society, advertising as a language of communication, intercultural communications, Russian philology.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 25.12.2023; adopted after review 27.02.2024; published online 23.04.2024.